

16+

Светлана Курмлович

Слёзные
родственники

Светлана Курилович

Слёзные родственники

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64503902

SelfPub; 2021

Аннотация

На что может пойти учитель, чтобы защитить своего ученика от родителей, прикрывающих жестокое отношение к ребёнку воспитанием и заботой о его дальнейшем благополучии? Вроде бы ничем не выделяющаяся и не считающая себя маститым педагогом учитель-словесник открывает в себе неведомую прежде способность к самопожертвованию, чтобы спасти подростка от насилия отчима, которое уже внесло пугающие изменения в его личность. Хорошие люди есть везде – посмотрите пристальней!

Светлана Курилович

Слёзные родственники

Он появился в 11Б лингвистическом во второй четверти – так неожиданно порой выпадает первый снег в начале ноября. Это было странно: уж одиннадцатый класс все стремятся закончить в своей школе, и если меняют учебное заведение, значит, произошло что-то из ряда вон выходящее. С любопытством, но исподтишка я рассмотрела его. Высокий, выше 180 сантиметров, стройный, ещё по-мальчишески нескладный, но чувствовалось, что он будет крупным мужчиной. В густых каштановых волосах нагло белела обесцвеченная прядь, падавшая на глаза, а в ухе поблёскивала серьга.

«Бунтарь-одиночка? – хмыкнула я. – Видали мы таких, Гришка Баженов, например, вечно в зелёный красился. Из-за него молоденькой учительнице пришлось уволиться. Вот из-за таких-то идиотов молодёжь в школу и не идёт!.. Так, ярлык я на него уже повесила, молодец!»

Он сидел один на последней парте среднего ряда, и это было нормально: новички обычно сторонятся коллектива хоть какое-то время. Ненормально было другое: с первого же урока он начал активно участвовать в обсуждении произведения. Как правило, новенькие изучают обстановку и молчат, пока не осмелеют. Этот был не таков... После всех девчачьих

ахов и охов по поводу самоотверженной любви Желткова к Вере Шеиной, он громогласно заявил:

– Желтков – идиот!

«Сам ты идиот!» – подумала я.

– И почему же? – поинтересовалась. – Кстати, как тебя зовут? Встань, пожалуйста.

– Арсений Новоявленских, – он встал и тряхнул головой, отбрасывая чёлку. Глаза нахально блестели. – Потому что он даже не разговаривал с ней, не встречался лично, не попробовал сказать о своей любви – не сделал ничего! Только закончил с собой.

– Это и есть высшее проявление жертвенности, разве нет? – спросила я, скрестив руки на груди.

– Женщинам не нужна такая (он подчеркнул голосом) жертвенность. Они любят сильных, это заложено самой природой. Или таких, кто потакает их прихотям, идёт на поводу желаний. Желтков – никакой. Как можно уйти из жизни, не сделав никаких попыток?

– Он очень уважал Веру, Арсений, поэтому не мог посягнуть на её личное пространство, жизнь. Единственный выход продемонстрировать свою любовь был уход из её жизни.

Арсений пожал плечами:

– А Вера эта – вообще медуза какая-то. Холодная, бесчувственная, что он в ней нашёл? В женщине должен быть огонь, страсть к жизни.

– Вот Желтков и разбудил в ней этот огонь, да, ребята? –

обратилась я к классу, и они послушно закивали.

– Ну да, разбудил! – хмыкнул он. – А воспользуется кто-то другой! Я же говорю, идиот!

Класс засмеялся, даже девчонки, которые всегда были на моей стороне в обсуждении любовных вопросов. Я рассердилась:

– Садись, Новоявленских! Записываем проблемный вопрос на дом!

– Вот в вас есть этот огонь, его и будить не надо, – тихо пробормотал он, садясь, но профессиональный слух не подвёл – я всё услышала. Паршивец на это и рассчитывал, думаю.

– Итак, проблемный вопрос: прав ли Куприн, делая из единичного случая высокое обобщение? Записали?

Одиннадцатиклассники закивали, тут кстати прозвенел звонок, и они гурьбой, словно косяк отъевшихся гусей, неспешно потянулись к выходу.

– Новоявленских, задержись! – скомандовала я, открывая сетевой город.

– Как скажете, Марина Леонидовна! – он остановился у стола, и мне пришлось смотреть на него снизу вверх.

– Ты что это себе позволяешь? – резко спросила я. – Первый день в классе – и уже споришь со мной?!

Он улыбался, и эта улыбочка ох как мне не понравилась, что я и не преминула отметить.

– Перестань улыбаться! Я что-то смешное говорю?? Без

причины улыбаются только сам знаешь кто!

Его губы ехидно растянулись ещё шире:

– Можно спросить, Марина Леонидовна, а сколько вам лет?

От неожиданности я растерялась, но через секунду сердито сказала:

– Во-первых, неприлично спрашивать у женщин про возраст, а во-вторых, тебе какое дело?

Получилось как-то грубо, и мне даже стало неловко: что накинулась на глупого мальчишку! Но то, что он сделал затем, совершенно ошеломило меня: Арсений присел на корточки возле стола и взглянул на меня снизу вверх:

– Вы такая красавица, когда сердитесь! – он протянул руку и дотронулся тыльной стороной ладони до моей щеки. – Глаза мечут синие искры, лицо пылает, губы пунцовые, так бы...

В следующий миг я пришла в себя и оттолкнула его:

– Ты что себе позволяешь?! Пошёл вон! – мой взгляд, наверное, мог прожечь бетонные стены, но мальчишка лишь улыбнулся:

– Как пожелаете, моя учительница! – встал, демонстративно потёр руку, по которой я ударила, и вышел из кабинета.

– Дурак! – прошипела я. К гадалке ходить не надо, чтобы понять, за что его выперли из школы. – Ну и наглец! – передёрнув плечами, стала заполнять сетевой город.

Следующее наше столкновение произошло в пятницу, ли-

температура была седьмым, последним, уроком. Я отобрала у него карты: он нагло раскладывал пасьянс!

– Это уж вообще! – я захлебнулась от возмущения, схватила его дневник, чего обычно себе не позволяю, и рявкнула. – Карты на стол!

Он собрал пасьянс и аккуратно положил колоду на стол. Тут прозвенел звонок, я задала домашнюю работу и отпустила ребят. Сама села, открыла дневник и собралась с мыслями.

– Пока, Сеня! Держись! – хихикнули одноклассники, выходя из кабинета.

– Да уж, парень, ты попал! Пожалейте его, Марина Леонидовна! – это крикнул Саша Козин, местный юморист. – Он неспециально!

– Иди, Саша, уж без тебя как-нибудь справлюсь! – отмахнулась я от советчиков. Пока писала (обстоятельно, с подробностями), провинившийся не проронил ни звука, лишь пальцами чертил полоски по краю стола. Закончив, я встала, развернула к нему дневник и сказала:

– Читай!

Пока он читал, изучала его лицо: брови нахмурились, улыбка сползла с губ.

«Ну, хоть кто-то для него авторитет», – подумала с удовлетворением.

– Всё верно? – спросила грозно.

– Да, – он не поднимал глаз, пальцы продолжали бессмыс-

ленную возню на столе.

– В понедельник покажешь подпись от родителей. Карты будут у меня. Если надо – пусть приходят и забирают.

Арсений потянул дневник:

– Хорошо, всё сделаю, – запихнул его в рюкзак и, наконец, поднял на меня глаза. – Удачно, что сегодня пятница.

– В чём удача? – я следила за его медленными движениями и радовалась, что мне удалось сбить нахальную улыбку с его лица. – Родители устают к концу недели и не занимаются твоим воспитанием? А надо бы! Твои выходки... – я пожала плечами, – недопустимы!

– Марина Леонидовна, вы не переживайте, меня, конечно, накажут, – сказал Арсений. – Но в понедельник я хотя бы смогу сидеть, – он повёл плечами.

До меня не сразу дошло:

– погоди! Тебя что, отец бьёт?! – волосы зашевелились на затылке. «Что же я наделала?!» – метнулась мысль.

– Отчим. Ремнём.

Ноги у меня подкосились, и я упала на стул, прижав руку к груди.

– Да вы не волнуйтесь! – улыбка опять вернулась на его лицо. – Я привычный!

– Как... привычный?..

– Да он всю жизнь меня лупит, – мальчишка пожал плечами. – Я притерпелся.

– А мама?!

– А мамки нет, она сбежала от нас. Отчим и её бил, – он говорил совершенно спокойно, но у меня даже в глазах потемнело.

– Арсений, дай, пожалуйста, дневник! – я протянула руку.

– Нет, Марина Леонидовна, не дам! – он отступил к дверям. – Я открыл свои карты, теперь за вами должок!

– Арсений, стой! – наконец я смогла вскочить, но его уж и след простыл. – Ох... Что же я натворила...

Этой выходкой он сделал своё дело: все выходные я думала только о нём и о своём «правильном» педагогическом поступке, мучилась угрызениями совести. Даже свидание в ресторане не помогло отвлечься: я представляла здорового мужика со злобным взглядом и сжавшегося в комок Арсения.

Я невпопад отвечала на вопросы, не поддерживала беседу, и в конце концов мой спутник разозлился и сбежал от меня со словами: «Позвонишь, как будешь в настроении!» Я его не виню: с учителями порой бывает нелегко, но ведь и учителям частенько приходится несладко.

Понедельник начинался уроком в 11Б классе, я с похолодевшим нутром ждала, когда придёт Арсений и сядет на своё место. Сможет ли он сесть...

Он пришёл вместе с женщиной, ниже Арсения на полголовы, худощавым, одетым весьма импозантно. Тёмные волосы зачёсаны вверх, часы с массивным браслетом, безукоризненно начищенные туфли. «На машине приехал. Интересно,

какое у него авто? Такое же, как эго?» – мелькнула мысль.

– Доброе утро, Марина Леонидовна, – поздоровался мужчина. – Я Николай Григорьевич, отчим этого оболтуса. Вы уж, пожалуйста, простите и его, и меня за эту выходку, больше подобное не повторится! Ваш предмет очень важен для нас: Сеня собирается поступать на кинооператора, а там нужно сдавать литературу. Если бы у вас была возможность позаниматься с сыном дополнительно, я был бы очень рад. Конечно, за отдельную плату.

– Вы знаете, Николай Григорьевич, я со своим учениками за деньги не занимаюсь, вам лучше обратиться к другому специалисту.

– Жаль, Сеня очень хорошо о вас отзывался, – вздохнул мужчина. – Ты извинился, балбес? – тон его неувлимо изменился.

– Простите, Марина Леонидовна, такое больше не повторится, – вымолвил Арсений, до того не проронивший ни слова.

– Хорошо, Арсений, садись, – я проводила его взглядом, отметив чуть скованную походку, но сел он спокойно.

– Вот моя визитка, – отчим положил на стол золотистую карточку и постучал по ней пальцем. – Если передумаете – звоните. И вообще, если возникнут проблемы – звоните мне сразу, я быстро его в чувство приведу, – он засунул руку в карман брюк, и я, невольно проследив за движением его руки, задержала взгляд на ремне с массивной пряжкой. Пяли-

лась, пока до меня не дошло, что это просто-напросто неприлично. Перевела взгляд на его лицо: он улыбался, от карих глаз растекались добрые морщинки.

«Кто из вас врёт???» – подумала я, и тут прозвенел спасительный звонок.

– Хорошего дня! – сказал Николай Григорьевич, нашёл взглядом Арсения, от чего тот встал и вытянул руки по швам, кивнул мне и неторопливой походкой вышел, унося за собой напряжение, которое витало вокруг него почти материально. Я выдохнула. Начала урок, но мысли неуклонно возвращались к ремню и к сильным мужским рукам с крепкими запястьями, покрытыми тёмными волосками.

– Арсений, сколько у вас уроков сегодня? – спросила его, когда он проходил мимо моего стола.

– Восемь, а что? – на лице опять засветилась улыбка, которая теперь отнюдь не казалась мне нахальной.

– Загляни в мой кабинет, хорошо?

– Ваше желание – закон для меня, моя учительница! – мне показалось, что губы послали поцелуй, но прежде чем я поняла это, паршивец убежал.

После уроков я проверяла упражнения – вечная морока учителей русского языка и литературы – нескончаемые стопки тетрадей с такими неразборчивыми каракулями, словно в эпоху повальной компьютеризации потребность в понятном почерке отвалилась, как атавизм. Устав, я прикрыла глаза и потёрла переносицу.

– Можно? – в дверь просунулась лохматая голова.

– Заходи.

Он вошёл, прикрыв за собой дверь, и нерешительно стал у стенки.

– Иди поближе, – пригласила я. Он подошёл.

– Что за игру ты затеял, Арсений? – спросила я.

– Игру? – он непонимающе взглянул на меня.

– Твой отчим. Он не выглядит зверем.

– А он и не зверь, – удивился Арсений. – Он, в общем, хороший человек.

– Ты же говорил, он тебя бьёт? – я сдвинула брови. – Разве хороший человек будет бить ребёнка? Или ты наврал мне??

– Я не врал! – серые глаза распахнулись ещё шире. – Вы не верите мне?

– Прости, нет. Твой отчим выглядит добрым и озабоченным человеком, беспокоится о твоём образовании... что ты делаешь??

Пока я говорила, мальчишка расстегнул рубашку, стянул через голову футболку и стал передо мной голый по пояс.

– Я вру? – повторил он и повернулся ко мне спиной. Потом расстегнул брюки и слегка приспустил их, так что до половины стали видны полушария его ягодиц. Покрытые багрово-синюшными полосами. Такие же полосы, но меньше, были на спине.

Я сглотнула:

– Оденься, пожалуйста...

– Как скажете, – он натянул брюки, футболку и повернулся ко мне лицом:

– Ну что, кто врёт? – смотрел на меня, прищурился.

– Арсений... у меня нет слов... Ты должен пожаловаться, написать заявление... – на глаза навернулись слёзы. – Бить детей – это атавизм!

– Я не ребёнок. Мне уже скоро восемнадцать. Должен же он как-то воздействовать на меня? Чтоб я слушался?

– Для этого есть слова, Арсений! Убеждение и воздействие, мотивация!

– А если слова не действуют? Тогда что? – он подошёл ближе, весь взъерошенный, как воробей.

– Тогда...

– У вас есть дети? – резко спросил он.

– Нет, но...

– Тогда вы понятия не имеете, какими несносными, невыносимыми они могут быть! Иногда слова бессильны и помогает только физическое воздействие, причём в жёсткой форме. Вот вы, например, давайте, воздействуйте на меня словами... – Арсений неожиданно обнял меня за шею и крепко поцеловал в губы.

«Он курит», – мелькнула мысль, в следующую секунду я оттолкнула мальчишку и ударила по лицу. Он отшатнулся, схватившись за щёку, в глазах блеснул дьявольский огонь:

– Как же ваши слова? Я же ребёнок! Меня нельзя бить!

Не сдержавшись, замахнулась опять, но Арсений поймал

мою руку и поцеловал ладонь. Хватка у него была железной.

– Если бы вы сами наказывали меня за шалости, – его взгляд затуманился. – Я был бы счастлив, госпожа... – шагнул вплотную, глядя в глаза. Я вообще потеряла способность что-либо делать, как кролик перед удавом.

– Меня можно бить, – медленно сказал он. – Меня нужно бить... Отчим это знает. Я неуправляем. Меня нужно держать в узде...

– Это не твои слова, Арсений, – с трудом проговорила я. – Он внушил это тебе... Ты обычный подросток. Тебе нужна родительская любовь, а не наказания.

– Да, – так же медленно сказал он. – Мне нужна любовь. И я прекрасно знаю, какого рода любовь мне нужна... Я хочу подчиняться. Когда отчим порет меня, тогда душа моя становится свободной от тела. Если меня будете наказывать вы, госпожа... я буду свободен совершенно...

Он отпустил меня. Я стояла ни жива ни мертва. Мальчику как будто было полсотни лет...

– Арсений...

– Ничего не говорите сейчас! – прервал он. – И подумайте о репетиторстве, хорошо? – голос был обычным голосом подростка. – До завтра! – и он убежал.

Я рухнула на стул. Что это было? Он как будто одержим! Но как это может быть...

Весь вечер у меня всё валилось из рук. Плюнув на подготовку к урокам, открыла ноутбук и зашарила по сайтам бд-

смщиков в попытке понять, что движет мальчишкой. Ничего не нашла и тогда полезла в абсолютные дебри: научные работы по выявлению и определению причин девиантного поведения, в том числе и сексуального. И вот тут нашла кучу всего: отвращение, стыд, вина, недоверие, амбивалентные чувства по отношению к взрослым, сексуальные нарушения, неопределенность своей роли в семье, чувство собственной ненужности, попытки суицида, уходы из дома, агрессия, избегание телесной и эмоциональной интимности, непоследовательность и противоречивость поведения – причина всего насилия в семье.

– Вылечить его я не смогу, – обессиленно прошептала я. – Тут нужна громадная работа психолога совместно с родителями...

Конечно, психолог у нас в школе имелся, но смешно было отправлять Арсения к девочке, три года как закончившей университет. Пожалуй, не она его вылечит, а он её искалечит... Специалисты, подобные Элечке, имеющие диплом психолога, вряд ли вообще способны кому-нибудь помочь; вот детишек тестировать на предмет тревожности – это их самое то.

Решение пришло неожиданно: надо всё-таки заняться с мальчиком репетиторством, причём на территории его отца. Хотя бы посмотрю, что там за обстановка, в каких условиях он живёт.

Что я хотела найти: стену, увешанную ремнями? Комна-

ту Синей бороды? Пыточную Малыты Скуратова? Понятия не имею, но меня неудержимо влекло желание помочь Арсению.

На следующий день, несмотря на настойчивые предупреждения внутреннего голоса, внушавшего, что я не классный руководитель и мне не должно быть до этого никакого дела, я взяла золотистую визитку и позвонила отчиму моего странного ученика.

– Николай Григорьевич? – услышав его голос, спросила я и, получив утвердительный ответ, быстро представилась и сказала, что согласна заниматься с его пасынком. Он обрадовался, радость была открытой, никакого второго дна в его словах я не заметила. Решили встретиться во вторник, в семь вечера, договориться об условиях. Арсений после того случая вёл себя хорошо, неприятностей не доставлял, но теперь я пристально наблюдала за ним, фиксируя всё, что могло бы показаться странным. Он мало общался с девочками, например, хотя явно им нравился, порой его настроение менялось, как ветер весной, иногда он был не в меру весел или агрессивен. И Арсений курил. От него регулярно пахло табаком и мятной жвачкой. Я подозревала, что отчим не в курсе его пристрастий, вряд ли бы он это одобрил.

Во вторник ровно в семь я звонила в домофон. Дверь открылась без вопросов, я поднялась на четвёртый этаж и вошла в приветливо распахнутую дверь. Меня встретил Арсений. Он принял пальто и проводил меня в столовую, где был

накрыт стол.

– Присядьте, пожалуйста, отец сейчас придёт.

Я устроилась на удобном деревянном стуле и огляделась: квартиры в этом микрорайоне были новые, очень уютные и большие. Мебель, обои, декор – всё было подобрано со вкусом, просто и стильно.

– У вас очень чисто, Арсений, – отметила я. – Кто убирается? Наёмные рабочие?

– Я навожу порядок, – ответил он. – Отцу некогда, поэтому уборка на мне. А вот готовит приходящая кухарка, мы оба можем лишь пельмени сварить.

Всё это время он не садился, стоял у стены.

– Что ты стоишь, как столб! – улыбнулась я. – Садись!

Он лишь помотал головой. Вообще Арсений был бледным и казался слегка нездоровым. Я хотела спросить, как он себя чувствует, но тут вошёл Николай Григорьевич, извинился, что мне пришлось его ждать, сел за стол и скомандовал:

– Арсений, чаю, пожалуйста!

Мальчик быстро налил нам чаю в изящные фарфоровые чашки и стал у стены.

– Прошу, – улыбнулся Николай Григорьевич.

– А как же Арсений? – удивилась я. – Пусть тоже выпьет чаю!

– Ему нельзя, он наказан.

– Что это значит? – я отложила конфету, которую собрала было попробовать.

– Вчера недостаточно хорошо вытер пыль, поэтому сегодня на голодном пайке, – улыбнулся отчим.

У меня чай застрял в горле. Арсений стал красный как рак.

– Николай Григорьевич, вы понимаете, что это издевательство над ребёнком? – сдерживаясь, спросила я.

– Какой он ребёнок, лоб здоровый, – отмахнулся отчим. – Ест в три горла, а пыль протереть забывает... Никакой ответственности! Зато теперь не забудет о своих обязанностях, так ведь, Сеня? – интонация его опять изменилась.

– Да, – ответил мальчик.

– Да, папа! – с оттяжкой сказал отчим.

– Да, папа, – торопливо повторил пасынок.

– Современные дети вообще не приучены к трудностям, всё им на тарелочке с голубой каёмочкой подаётся. Так-то я его неплохо вышколил, но иногда башню срывает и гайки приходится подкручивать.

Мне стало не по себе от его откровений.

– Вышколил – говорили обычно о слугах, а Арсений – ваш сын! Он растёт, и как на голодный желудок ему заниматься? – возмущённо спросила я.

– Ну, каждое действие влечёт последствия, – пожал он плечами. – Кто-то же должен преподать ему урок? Пусть лучше это буду я, чем кто-то другой.

– Давайте договоримся, – твёрдо сказала я, – что в дни, когда я буду заниматься с Арсением, он будет сытым и спо-

койным! И сидеть сможет нормально! Иначе всё бессмысленно... Все наши разговоры.

– Хорошо! – подозрительно легко согласился отчим. – Но у меня тоже есть условие.

– Какое?

– Заниматься вы будете с сыном в течение месяца каждый день по два-три часа. После этого я его проэкзаменую и посмотрю, смогли вы его чему-то научить или нет. Если да – будете заниматься дальше, если нет – на нет и суда нет. Согласны? – острые карие глаза смотрели внимательно. Он выжидал.

«Какой-то подвох?» – подумала я. Возможно. Но сзади стоял забитый и подавленный мальчик, которого этот взрослый, сильный человек держал в узде, и я отбросила подозрительные мысли.

– Хорошо, договорились, начнём завтра же. Я смогу заниматься с пяти до восьми.

– Замечательно! – опять передо мной был добрейший человек. – Арсений, с завтрашнего дня все уроки должны быть выучены к пяти часам, чтоб не отвлекаться от дополнительных занятий. Ты понял? Я проверю!

– Да, папа, понял, – тихо ответил мальчик.

– Теперь я пойду, а вы, пожалуйста, накормите сына и разрешите ему сесть в конце концов.

Я поднялась и, честно говоря, кипя тихим негодованием, направилась прочь из этого гостеприимного дома. Идя до-

мой, постоянно срывалась на бег, потому что не знала, как дать выход возмущению, бурлившему во мне.

Дома опять полезла в ноутбук и начала искать ответ на вопрос, как и за что можно лишиться родительских прав. Убив пару часов, пришла к выводу, что это невозможно: родительские обязанности он исполняет, за ребёнком следит, у Арсения есть всё необходимое и даже сверх того. Эксплуатация? Это уборка квартиры эксплуатация? Отчим только рассмеётся и будет прав. Жестокое обращение с ребёнком? Скажет, поучил ремнём разок – и всё! С кем не бывает! Тем более Арсений не считает, что это ненормально, и может поддерживать отчима.

Тупик. Я налила себе коньяк в бокал полечить расстроенные нервы и призадумалась. Есть ведь более простой выход: парню вот-вот стукнет восемнадцать, вероятно, он поступит в вуз и избавится от более чем назойливой опеки Николая Григорьевича. Возможно, я смогу хотя бы поддерживать его...

– Мальчишка хоть сытым будет, – пробормотала вслух. – А кто вообще его отчим?

Вытащила визитку, которую так и не удосужилась изучить, и увидела: адвокат какой-то там фирмы, ну, всё понятно, можно было сэкономить два часа зря потраченного времени, если бы прочитала заранее. Воевать с законником да его же оружием и на его территории! Я фыркнула и подлила себе ещё коньячку. Потом подумала, не продешевила ли? Я

взяла обычную почасовую оплату, но не учла дорогу и моральный ущерб, который, несомненно, будет иметь место.

– Мда... – я прикончила второй бокальчик и начала подумывать о третьем. – Если моральный ущерб лечить коньяком, то я сопьюсь... Лекарство уж больно крепкое...

С этими мыслями я и уснула. Сон был глубокий, не омрачённый тревогами. Утром едва не опоздала на первый урок, хорошо, директриса по средам на совещании при губере, в школе тишь да благодать, дела идут своим чередом. Первым уроком 6 класс, можно было не напрягаться.

Признаюсь, я люблю уроки литературы в старших классах: ребята сейчас нисколько не стеснены высказыванием собственных позиций, как правило, нелепых и глупых, но порой и жемчужину можно раскопать среди тонны навоза. Вот за эту-то жемчужину и можно пахать как проклятой, расчищать Авгиевы конюшни в их мозгах.

Но сегодня... мне категорически не хотелось видеть 11 класс! Не хотелось видеть Арсения, его нарочитую нахальную улыбку, слышать его ехидный или, что ещё хуже, возбуждённый хриплый голос, его глаза, в которых вместо естественной радости жизни или такой же естественной озлобленности будет читаться абсолютно неестественная похоть и покорность. Не хотелось вступать с ним в словесные перепалки, до которых он был великий охотник, и всё время помнить, помнить, помнить и видеть внутренним взором его исхлёстанную заботливым и любящим отчимом спину!..

– Не хочу с ним заниматься! – сказала я самой себе. – Зачем подписалась на это? Своих детей нет, и чужие никогда не станут своими! Откажусь...

Меня мутило от одной мысли оказаться опять рядом с его отцом, этим зверем в человеческом обличье. Хотя причём тут звери? Худший зверь – это сам человек.

Как на гильотину, шла на урок. Но стоило увидеть на последней парте Арсения, его наглую улыбку, которой он прикрывал эмоциональную пустоту и жажду любви, – и лёд на сердце растаял, уступив место сильнейшей жалости к несчастному мальчишке.

После урока он задержался на мгновение:

– Вы придёте сегодня? – в голосе, тихом и робком, сквозила надежда.

– Конечно, – спокойно ответила я. – Сделай домашнее задание, как велел отец, чтобы нам ничто не мешало.

– Обязательно! – и он убежал.

Надо сказать, что учился Арсений на удивление неплохо, он явно был неглуп, хорошо ориентировался в море информации, которая сваливалась сейчас на их бедные, забытые ерундой головы, у него был аналитический склад ума, но в то же время он легко справлялся с креативом, поэтому я не видела препятствий в подготовке к вступительному экзамену творческого характера и к ЕГЭ по литературе и русскому.

В пять часов я вновь ступила под своды семьи Новоявленных. Арсений проводил меня в свою комнату.

– А у тебя неплохо! – с удивлением сказала я. Типичная подростковая берлога с постерами любимых групп на стенах, письменным столом со всякими милыми мальчишескими мелочами, кучей проводов и каких-то деталей на подоконнике. «Он ещё и мастерит!» – восхитилась я. Поражал порядок, неестественный для подростка, но, пожалуй, будешь поддерживать идеальную чистоту, если тебя лишают еды из-за пыли...

– Спасибо! – щёки его порозовели от похвалы. Этот Арсений нравился мне намного больше того, другого, с которым он меня уже познакомил.

– Ну что, начнём с русского языка?

– Как скажете.

Как я и предполагала, грамотность Арсения была интуитивной, большинство современных детей не дают себе труда хотя бы вникнуть в правило, понять его, предпочитают писать по принципу «я так чувствую – и всё!». А надо ведь совсем немного: расставить по местам причину и следствие и... вызубрить миллион исключений! Ха-ха!

Для запоминания я учу детей использовать мнемонику – она хороша и в изучении иностранных языков, и в родном русском (для подавляющего большинства современных подростков литературный русский для них тот же иностранный).

Схватывал материал Арсений легко, образная память у него тоже была в порядке, оставалось удивляться, что за го-

ды истязаний из него не вышибли природную сообразительность и смекалку.

– Ты молодец, Сеня! – похвалила я его.

Он опять зарумянился и сказал:

– Спасибо, Марина Леонидовна, но не называйте меня так...

– Почему? – не поняла я.

– Так меня он зовёт... а ещё Сенька...

– А как он ещё тебя называет? – осторожно поинтересовалась я.

– Щенок, пащёнок, позорище... да по-всякому... – неохотно сказал Арсений.

– А мама как тебя называла, ты помнишь?

– Да... Арсюша... – почти прошептал мальчик.

– Можно... я тоже буду тебя так звать? – поддавшись порыву жалости, от которой сдавило сердце, я пригладила его встрёпанные волосы. Это было ошибкой. Его буквально повело за моей рукой, он пошатнулся, облокотился о столешницу и посмотрел на меня снизу вверх и искоса уже знакомым взглядом, в котором смешались вызов и покорность одновременно.

– Вы можете звать меня, как вам угодно, – внезапно охрипшим голосом сказал он. – Я ваш, госпожа...

– Арсений! – я быстро встала. – Где у вас туалет?

– ...по коридору направо, – после паузы, заикаясь, ответил он, всё ещё находясь во власти своих извращённых фан-

тазий.

Через пятнадцать минут (чтобы дать ему возможность прийти в себя) я вернулась в комнату, постаравшись выдать из себя жалость. Форточка была открыта, но в воздухе стоял осязаемый запах табачного дыма.

– Арсений, отец разрешает тебе курить?

– Нет, Марина Леонидовна, он не знает. Думаю, ему бы не понравилось... – Арсений явно пришёл в себя, влажный блеск в глазах исчез, похоже было, что он чуть смущён.

– Ты играешь с огнём, – неодобрительно сказала я, – Тебе силы нужны для подготовки к экзаменам, а не для борьбы с отчимом! Давай займёмся литературой!

Здесь успехи были похуже: как и все подростки, Арсений не любил читать, предпочитая ознакомиться с произведением или в кратком содержании или посмотреть фильм. Много было упущено, в основном за десятый класс. «Война и мир» лидирует в списке нелюбимых для прочтения книг. Детей, привыкших общаться в соцсетях на интернет-жаргоне путём коротеньких посланий, не на шутку пугает объём великого произведения. Что ж, займёмся пересказом, не впервой! Зачастую, заинтересовавшись сюжетом, ученики начинали читать и одолевали могучий роман.

За этим занятием нас и застал отчим. Он неслышно подошёл к дверям комнаты и какое-то время внимательно слушал, как я с упоением рассказываю о сложных отношениях семьи Болконских.

– Добрый вечер! – дождавшись паузы, сказал он, но я всё равно вздрогнула от неожиданности:

– Добрый вечер! Как вы тихо подобрались к нам!

– Я не подбирался, просто подошёл и послушал, как идёт занятие. И я не вполне понял, что тут происходит? – карие глаза сузились и нацелились на Арсения. Под этим взглядом мальчик поднялся со стула:

– Это «Война и мир», папа.

– Это я понял. Я спросил не об этом. Почему Марина Леонидовна пересказывает тебе величайшее в мире произведение, которое ты читал, насколько я помню, в прошлом году? Если мне не изменяет память, ты утверждал, что всё прочитал... – взгляд стал ещё пронзительнее.

Мальчик не знал, что сказать, он посмотрел на меня, потом перевёл глаза на руки отчима, зацепившиеся большими пальцами за ремень, и что-то пробормотал.

– Не слышу! – от резкого окрика вздрогнула даже я.

– Николай Григорьевич! – так же резко сказала я. Отчим удивлённо оглянулся.

– «Война и мир» такое глобальное произведение, что даже я перечитываю его каждый раз, как подходит десятый класс! Неудивительно, что у ребёнка из памяти улетучиваются многие нюансы. То, что Лев Толстой написал в возрасте тридцати лет, невозможно осознать семнадцатилетнему подростку. А перечитывать времени нет!

– Я ценю ваше заступничество, Марина Леонидовна, и

ваш энтузиазм, но, полагаю, Арсений всё прочитает. Да, Сеня? – взгляд опять пронзил подростка.

– Да, папа.

– Это совершенно ненужная трата времени, – возразила я. – Время нужно на многое другое!

– А что ему по ночам делать? Вот и будет... освежать в памяти. Арсений, ты предлагал учителю чай?

– Нет, папа, мы всё время занимались, – разлепил губы мальчик.

– Марина Леонидовна, не согласитесь ли отужинать с нами? – галантно предложил отчим.

Я хотела отказаться, но, посмотрев на замершего Арсения, согласилась.

– Сеня, накрывай, – извинившись, Николай Григорьевич вышел из комнаты.

Мы прошли в столовую. Подросток весьма ловко сервировал стол: тушёные овощи, запечённая в фольге горбуша, салат из свежей фасоли и помидоров, чай с абрикосовым вареньем.

– Знаете, Николай Григорьевич, у Арсения очень хорошо с русским языком, – начала я. – Мне кажется, мы можем рассчитывать на высший балл на экзамене.

– А иного я и не ожидаю, – согласился отчим. – После всех усилий, которые я вложил в него, результат должен быть только превосходный – и никак иначе!

– Но любой экзамен – это стресс, – возразила я. – Здесь

возможны случайности.

– Случайностей быть не должно, – поднял брови отчим. – Только высший балл! Так, Сеня?

– Да, папа, – не поднимая глаз от тарелки, сказал мальчик.

– Кстати, знаток русского языка, я заметил в твоей комнате дым, – непринуждённо поменял тему Николай Григорьевич. – Ты куришь? Ты же знаешь моё отношение к этой скверной привычке!

Вроде бы простой вопрос вверх Арсения в панику, он втянул голову в плечи и замотал головой. С ужасом я смотрела на «тёплые» отношения отца с сыном.

– Это не Арсений, Николай Григорьевич, это я! – услышала свой дрожащий голос. – Бросаю курить, но окончательно избавиться не могу. Извините, не сдержалась, а ваш сын не предупредил меня о вашем отношении к курению...

Пока я говорила, он внимательно смотрел на меня и вдруг резко наклонился и втянул носом воздух. От неожиданности я замолчала на полуслове.

– Вы вновь стараетесь выгородить своего ученика, Марина Леонидовна, и это выдаёт вас. От вас не пахнет куревом, и не пахло никогда, это я ещё в школе отметил. Ваша кожа источает весьма приятный аромат, это французские духи, я не ошибаюсь?

Я не знала, что сказать. А он неторопливо дожевал, вытер рот салфеткой и, не размахиваясь, ударил Арсения по лицу левой рукой. Мальчишка с грохотом упал, уронив стул, из

разбитой губы потекла тонкая струйка крови.

Я ахнула и прижала ладонь ко рту:

– Что вы творите, вы...?! Думаете, на вас управу нельзя найти?! А если я заявление напишу в полицию?! – негодование прорвало мою сдержанность. Арсений возился на полу, пытаясь встать.

Отчим не торопясь встряхнул рукой, сжал и разжал пальцы:

– Ваше слово против моего, – усмехнулся. – Пишите, коли времени некуда девать. Но придётся искать другого репетитора, а жаль. Вы мне показались профессионалом, – теперь пронзительный взгляд пожирал меня.

– Встать! – приказал сыну, даже не оглянувшись на него.

Мальчишка поднялся и поставил на место стул.

– Ты знаешь, что я не выношу вранья, – брезгливо сказал отчим. – И всё-таки врёшь. Не могу понять. Вытри рот, – протянул сыну салфетку.

Арсений утёр кровь и скомкал салфетку в кулаке.

– Подлей нам горяченького, мы ещё не закончили разговор. Ну как, Марина Леонидовна, что вы решили? – обратился ко мне, словно ничего не было.

– Я... – горло пересохло, я не могла отвести взгляд от беззащитной спины мальчишки.

– Я вижу, вы дорожите своим учеником. Наверное, вы не сможете бросить его в сложной ситуации. Я прав? Арсению нужна помощь и поддержка не только отца. Мальчик так ма-

ло видел материнской ласки, она ушла от нас, когда ему было всего девять. Я могу лишь обеспечивать сына всем необходимым и искоренять в нём дурное начало и скверные привычки, но вы можете повлиять на него своим примером, отношением к делу. У Арсения сейчас сложный период, он взрослеет, и без женской поддержки ему тяжело, – закончив говорить, он отхлебнул чай, так же пристально глядя на меня. – Так как?

«Он психопат, – ужаснулась я. – Абсолютно уверен в собственной безнаказанности. И Арсений в полной его власти. Как ему, должно быть, страшно!»

– Николай Григорьевич, – собралась я с духом. – Я останусь, если вы пообещаете прекратить рукоприкладство. Я не знаю, как вас убедить, но то, что вы делаете, незаконно, аморально и просто отвратительно! – как я ни сдерживалась, на глаза навернулись слёзы.

Он с интересом рассматривал меня:

– А вам, действительно, его жалко. К сожалению, я не могу пообещать вам этого. Законы нашей семьи таковы, что нарушение правил не должно остаться безнаказанным. И ради вас я не собираюсь преступать законы, которые сам же и установил. По крайней мере, не все. Вы должны это понимать. Сеня, иди в кабинет!

Мальчишка затравленно посмотрел на меня и вышел из столовой.

– Зачем ему идти в кабинет? – онемевшими губами про-

бормотала я.

– Затем, что у каждого действия есть последствия, – отчим расстегнул ремень и вытащил его из брюк. – Враньё – не тот проступок, который можно оставить безнаказанным.

Кровь отхлынула от лица.

– Как вы побледнели, – с удивлением сказал он. – Впрочем, мне пришло в голову решение этого болезненного для вас вопроса. Пойдёмте, – широким жестом он пригласил меня выйти.

Мы прошли в кабинет. Там уже был Арсений. Обнажённый по пояс, он лежал грудью на широком столе, уцепившись раскинутыми руками за края столешницы.

Я просто задохнулась от этого зрелища.

– Вот, возьмите, – отчим протянул мне ремень. – Раз вы так переживаете, накажите его. Количество ударов определите сами, а боль от вашей руки будет несравненно меньше, чем от моей. Берите! Для него это будет не наказание, а милосердие!

Мне показалось, что вся кровь прилила к сердцу, и мне стало невероятно тяжело дышать. Я глотала воздух, словно комок горячей и шершавой шерсти.

– Сеня, трусы! – приказал отчим, и я увидела, как мальчишка беспрекословно стал расстёгивать брюки.

– Подожди! – я не узнала свой голос, скрипучий, как несмазанное колесо. – У меня есть другое решение...

– Какое? – передо мной всё маячила рука, предлагающая

ремень.

– Это я наврала, а не Арсений, накажите меня.

– Нет! – отчаянно крикнул он. – Нет, Марина Леонидовна, не надо!

– Твоё мнение не играет никакой роли! – отрезала я, глядя в глаза отчиму.

– Что за игру вы затеяли? – во взгляде блеснуло любопытство.

– Неужели интересно всё время пороть мальчишку? А как насчёт взрослой женщины?

Я оттолкнула Арсения, с безумным видом стоявшего рядом, и сняла блузку. Мальчик застонал, закрыв лицо руками. Я не отводила глаз от отчима. Завела руки за спину, расстегнула бюстгальтер и осталась обнажённой по пояс, такой же, как Арсений.

– Всё должно быть честно! – мой голос даже не дрогнул.

Арсений что-то бормотал, сквозь пальцы сочились слёзы. Я подошла к столу, медленно наклонилась и приняла такую же позу. Деревянная столешница приятно холодила разгорячённую кожу.

– Трусы? – жёстко спросила я.

– Да, пожалуй... – голос отчима дрогнул.

Расстегнуть замочек юбки и приспустить вместе с трусами оказалось не так уж сложно. Я застыла, вцепившись в стол и закусив губы.

– Ах... – вздохнул он, затем послышался свист и... в ме-

ня ударила молния! Удержаться от крика было невозможно, я завопила от всей души. Вместе со мной кричал Арсений, только его крики были членораздельными:

– Папа! Отец, не надо! Прошу тебя! Нет!!

Свист и второй удар. Я закричала во всю силу своих лёгких, ягодицы пылали огнём!

– Умоляю, прекрати! – сзади послышалась возня, затем грохот упавшего тела, и на меня обрушился третий удар. Небо показалось с овчинку, из лёгких вышибло весь кислород, кричать не получилось, только со свистом втягивала воздух. Я испугалась, что вообще задохнусь.

Четвёртый удар, от которого помутилось в глазах и захотелось упасть, уползти в какой-нибудь уголок, в норку, сжаться в комок, чтобы никто не нашёл. Я стонала, из глаз потоком лились слёзы, сопли не давали дышать.

Пятый удар заставил меня пожалеть, что я на свет родилась. Я рыдала в голос, не думая абсолютно ни о чём. Во всём теле осталась лишь нестерпимая боль и жгучий страх.

И вдруг всё кончилось, так же внезапно, как началось. Я почувствовала, как меня подняли со стола, укрыли покрывалом и отнесли на мягкую кровать. Затем я провалилась в беспамятство.

Пришла в себя от жжения и одновременно ощущения прохлады в ягодицах.

– Ох... как же больно! – констатировала с огромной жалостью к себе. Я всё помнила, несмотря на потерю сознания,

поэтому не понимала, почему всё так неожиданно закончилось. Повела взглядом и увидела Арсения, сидевшего на полу рядом с кроватью. Его щёки были мокрыми.

– Что случилось? – спросила я.

Он встрепнулся:

– Вы пришли в себя? Простите меня за всё, Марина Леонидовна!

– За что? – я прищурилась на него. – Ты-то в чём виноват, я не понимаю?! Ты самая пострадавшая сторона! Лучше скажи, где этот... твой отчим? Как всё закончилось? Я не помню.

– Это из-за меня вам досталось, из-за меня вы сюда пришли и... – мальчишка захлебнулся словами, и плечи его затряслись.

– Успокойся, Арсюша, это было только моё решение! Абсолютно! – с нажимом сказала я. – Ты ни в чём не виноват! Вообще! Понимаешь?? Ни в чём! Хватит об этом! Где твой... воспитатель?

– Там лежит...

– Где там? Почему лежит?? – испугалась я.

– Я его стукнул по голове пресс-папье.

– Чем?! – меня разобрал хохот, да такой, что даже боль в пятой точке не помешала смеяться.

– Пресс-папье, – мрачно повторил Арсений.

– Ты уж извини, что я смеюсь, – всхлипывая, сказала я. – Но звучит, как сюжет из романа Агаты Кристи: его ударили

пресс-папье... Сейчас никто и слова-то такого не знает, а ты, гляди-ка, человека покалечил!... Ох!

– Вам больно? – встревожился мальчик.

– Милый мой, по сравнению с тем, что тебе приходилось выносить все эти годы, это как укусы комара! Как ты вообще мог терпеть?! – возмутилась я. – Это же адская боль!

– Я принесу вам таблетку, а к ранам надо приложить лёд, – хмуро сказал он. – Помогает. Я протёр перекисью водорода и положил марлю, смоченную холодной водой, но этого мало...

– Знаешь, милый, думаю, моей жопе уже достаточно внимания оказано. За сорок с лишним лет такое выпало ей первый раз!

Арсений улыбнулся:

– Вы сказали «жопа»! Вы же учитель русского языка...

– Да, и я в совершенстве владею русским литературным и русским матерным! Поэтому закрой рот, неси таблетку, а я пока оденусь!

Превратившись в дряхлую старуху, я дрожащими руками кое-как натянула трусы и юбку; *опа сразу же заявила о себе громким протестом. Но принесённый Арсением пенталгин сотворил чудо: боль вскоре стала терпимой.

Затем мы вместе осмотрели отчима и диагностировали, что пациент скорее жив, чем мёртв, перетащили его на диван, вызвали скорую и полицию, и всё завертелось!

– Думаю, теперь он не будет чувствовать себя абсолютно

безнаказанным, – сказала я. – Когда тебе исполняется восемнадцать?

– Уже скоро, в декабре, – мальчишка улыбнулся. – Я буду совсем взрослым!

Опять сердце у меня сдавило от жалости:

– Арсюша, ты ещё такой маленький... тебе столько всего надо узнать... – глаза защипало от слёз. – Где ты будешь жить?

– Здесь. Мне некуда идти, – пожал он плечами. Реальность опять навалилась могильной плитой.

– Ну, потерпи до дня рождения, а там что-нибудь придумаем! У меня есть тётка двоюродная, у неё – свободная комната, поживёшь там, может быть. Только в этом случае будет условие...

– Какое? – взгляд Арсения стал насторожённым.

– Она консервативная старая дева... как я.

Он недоверчиво хмыкнул:

– Вы не старая, вы молодая. Я видел...

Паршивец! Смутил-таки меня! Я почувствовала прилив крови к лицу.

– Арсений!

Строгости побольше в голос надо добавить.

– Тебе придётся прекратить обесцвечивать волосы.

– Хорошо, – покладисто сказал он.

– И снять серьгу!

– Я сниму всё, что вы скажете... – глаза его опять стало

заволакивать туманом.

– Арсений! – ещё строже сказала я. – Вот эти фокусы придётся забыть!

Встряхнула его за плечи и крепко обняла.

– Я люблю тебя, милый, ты мне очень дорог... Ты как сын, которого у меня никогда не было, да, наверное, уже и не будет...

Опять слёзы накатили на глаза.

– Да что ж такое! – прошептала с досадой. – За эти дни я пролила слёз больше, чем за всю сознательную жизнь!

И тут почувствовала, как руки Арсения прижали меня к себе.

– Я тоже очень люблю вас, – сказал он дрогнувшим голосом. – Меня очень-очень давно никто так не обнимал... и не жалел... – мальчишка шмыгнул носом.

– Знаешь, мне пришла одна мысль, – заявила я.

– Какая? – с любопытством спросил Арсений.

Я отстранилась, достала платок, вытерла ему слёзы, заставила высморкаться и сказала:

– По тому, как мы с тобой любим слезами умыться, можно с уверенностью констатировать, что мы слёзные родственники! Всё! Нос по ветру, хвост пистолетом, тебя ждёт целая прекрасная жизнь! Веришь мне, Арсений Новоявленских?

– Верю, – улыбнулся мальчишка.

Улыбнулся, как сын, которого у меня никогда не было, но,

может, будет?..